

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ О КАЗАЦКОМ ВОССТАНИИ 1625 ГОДА: РЕЧЬ ПОЛКОВНИКА ОЛИФЕРА ГОЛУБА И НЕИЗВЕСТНЫЙ СПИСОК КУРУКОВСКОГО ДОГОВОРА

© 2020 г. К.А. Кочегаров

Канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН

kirill-kochegarow@yandex.ru

*Вы слышали от отцов и дедов,
в какой чести у всех была земля наша*
Н.В. Гоголь. Тарас Бульба

*Дай пане Боже пожити и отдячити,
яко дедичом тое ойчизны и земли*
Из речи казацкого полковника Олифера Голуба

В статье рассматриваются неизвестные документы по истории казацкого восстания 1625 г. — список Куруковского договора и речь полковника О. Голуба на раде, посвященной избранию в гетманы М. Жмайло. Речь Голуба — уникальный источник, отражающий идеологию восстания, реконструкция которой из-за практически полного отсутствия соответствующих текстов до настоящего момента была затруднена. Она определяла политические стремления лидеров украинского казачества 1620–1640-х годов, выражаясь в идее политической автономии Войска запорожского в рамках Киевского и Брацлавского воеводств Речи Посполитой со ставкой гетмана в Киеве, ликвидацией кварчаного войска и института коронных урядников. Список с Куруковского договора — единственный дошедший до нас текст соглашения на староукраинском языке. В статье исследуется история его происхождения, дается сравнительный анализ текста с известными польскими копиями. Оба документа публикуются в приложении.

The article considers unknown documents on the history of the Cossack uprising of 1625 — a copy of the Treaty of Kurukove, and the speech held by colonel Olier Holub at the Rada, called to elect Hetman Mark Zhmaylo. The speech is a unique source which reflects ideology of the uprising, inasmuch as the absence of any documents made its reconstruction until now hardly possible. It described the political endeavours of the leaders of the Ukrainian Cossacks in the 1620s–1640s and implied of the idea of political autonomy of the Zaporogian Cossack Army withing the framework of the Kiev and Braclaw Voivodeships of Rzeczpospolita with the Hetman's head-quarters in Kiev, liquidation of the wojsko kwarciane (Quarter Army) and the crown *uriadniks* (administrators). This copy of the Kurukove Treaty is the only survived text of the agreement on the old-Ukrainian language. The article explores its provenience, suggests a comparative analysis of the text with the known Polish copies. Both documents are published in the Supplement to the article.

Ключевые слова: Войско запорожское, казацкое восстание 1625 г., Куруковский договор, Олифер Голуб, польско-украинские отношения, русско-украинские отношения.

Keywords: Zaporogian Cossack Army, Cossack uprising of 1625, Treaty of Kurukove, Olifer Holub, Polish-Ukrainian relationships, Russian-Ukrainian relations.

DOI: 10.31857/S0869544X0008606-9

1620-е годы стали периодом бурного развития социальных и политических структур Войска запорожского, разворачивавшегося на фоне очередного витка его внешнеполитической активности (походы на османские владения, союз с Крымским ханством и т.д.), нараставшего противостояния казачества с властями Речи Посполитой и вмешательства запорожцев в разгоравшийся на восточнославянских землях шляхетской республики религиозный конфликт между сторонниками православия и унии. Важной вехой в этих событиях стало казацкое восстание 1625 г.

Историки, обратившиеся к изучению его в конце XIX в. – начале XX в. опирались главным образом на комплекс польских источников, введенных в научный оборот еще в первой половине XIX столетия¹. Лишь в незначительной степени они дополнялись свидетельствами русских архивных документов, опубликованных П.А. Кулишом [2. С. 181–183, 229–230, 243–244]. Польские материалы, охватывавшие ход событий 1625 г., итогом которых стал поход на запорожцев войска под предводительством польного гетмана Станислава Конецпольского и подписание так называемого Куруковского договора, включают переписку казаков с королевскими комиссарами, сам текст соглашения и другие документы. В 2016 г. они были переизданы (многие по напечатанным текстам XIX в., так как архивные первоисточники в ряде случаев найти не удалось) в рамках публикации украинских археографов, охватывающей историю Войска запорожского XVI – первой половины XVII в. [3] Ряд находок новых польскоязычных документов последних лет, несмотря на содержащиеся в них ценные подробности, в целом не менял сложившийся в историографии нарратив событий 1625 г. [4. С. 57–64; 5. С. 86–94; 6. С. 371–374].

Указанный комплекс источников позволяет восстановить основную хронологию восстания и дает представление о тех позициях, которые занимали запорожцы в ходе официальных переговоров с представителями короля и Речи Посполитой. Они выражались главным образом в попытках казачества защитить свои сословные и религиозные права. Лишь часть требований запорожцы смогли отстоять в ходе не слишком удачной для них кампании, когда, будучи блокированы коронным войском гетмана Конецпольского у Куруковского озера, они согласились на переговоры. Куруковский договор 1625 г., несмотря на его половинчатость и компромиссность, несших в себе, по мнению М.С. Грушевского, зародыш дальнейших конфликтов (см. подробнее [7. С. 537–561; 1. С. 1–42]), стал все же важной вехой в эволюции сословных и политических структур Войска запорожского – их зримого оформления не только в рамках Запорожской Сечи, но и «на волости», в городах Среднего Поднепровья. По соглашению утверждалась структура войска численностью шесть тыс. чел., размещавшегося в королевских староствах Среднего Поднепровья (Черкасское, Каневское, Корсунское, Богуславское, Белоцерковское, Переяславское). Оно

¹ О наличии источников главным образом лишь «с польской стороны» с сожалением писал С. Рудницкий [1. С. 14]. В работе С. Рудницкого см. также анализ предшествующей историографии.

включало не только гетмана (старшего), но и обозного, писаря, двух есаулов, войскового судью, а также шестерых полковников и полковых есаулов, шестьдесят сотников; казаки получали право иметь свой суд, свободно заниматься промыслами и т.д. [3. С. 283–287].

Изучая канун и развитие событий «польско-казацкой войны» 1625 г., М.С. Грушевский высказал сожаление, что в распоряжении исследователя практически нет никаких свидетельств о процессах, которые происходили внутри казацкого лагеря, о том, как формировались политическая программа запорожцев [7. С. 526–527]. Частично ответить на эти вопросы и заполнить образовавшуюся в силу естественных причин – односторонности источников – лакуну позволили исследования Б.Н. Флори, который ввел в научный оборот значительный пласт русских архивных документов, главным образом из собраний Разрядного приказа. Они включают сведения, сообщавшиеся приезжавшими в Россию выходцами из польско-литовского государства (казаками и киевским духовенством), а также информацию, специально собранную выезжавшими за литовский рубеж русскими подданными – купцами и разведчиками.

Работы Б.Н. Флори позволили существенно дополнить новым фактическим материалом предположения предыдущих исследователей (см., например [1. С. 12]) о существовании среди запорожских казаков двух «партий». Первую составляли умеренные и как правило заслуженные казаки («лучшие люди»), настроенные на сотрудничество с польскими властями. К ней можно отнести полковников Михаила Дорошенко и Федора Пырского, которые в разное время избирались гетманами. Запорожская «чернь» – рядовые казаки, группировалась вокруг двух других лидеров – полковников Олифера Голуба и Марко Жмайло, также обладавших в указанное время гетманской булавой. Из них больше следов в источниках оставил первый. Олифер Голуб, «казак старинный», не имевший семьи и дома, будучи соратником Сагайдачного, избирался гетманом после его смерти, в апреле 1622 г., при поддержке «черни» – рядового казачества, которое выбрало его, чтобы не допустить составления реестра. Голуб поддерживал и киевский митрополит Иов Борецкий, установивший, в свою очередь, контакты с русским правительством. Выходец из Речи Посполитой сообщал в Вязьме, что в апреле 1625 г. какая-то часть казацкого войска во главе с О. Голубом стояла лагерем на р. Суле, готовясь к военным действиям против польских войск. Оттуда, якобы в Белгород было отправлено казацкое посольство во главе с полковником Серебряным с сообщением о готовности запорожского казачества «отстать» от Польши и «отъехать» к России «со всем войском». Б.Н. Флоря также установил, что после неудачного морского похода, в первой половине августа, М. Дорошенко был смещен с гетманства, новым гетманом стал Ф. Пырский, и уже 15 августа отряд казаков двинулся в очередной поход на османские владения. Это стало одной из причин неготовности казачества к отпору польской экспедиции гетмана Конецпольского. Некоторое время спустя казаки, находившиеся «на волости», собрали раду в Киеве, чтобы обсудить предложения Конецпольского, которые сводились в том числе к необходимости согласиться на строго ограниченный реестр (ранее с подобным требованием на Сечь приезжал королевский посол). Под давлением массы рядового казачества польские предложения были отвергнуты. Решено было собирать казаков с «волости» и идти в Переславль на соединение с запорожцами. Узнав об этом, Конецпольский также двинулся вниз по Днепру, чтобы не допустить соединения сил противника. Предводителем казаков «на волости» оказался О. Голуб, собравший казаков из нескольких городов Правобережья Днепра. В начале октября между его отрядами и коронным

войском произошли первые стычки в районе Канева. Далее войска Голуба отступали вниз по Днепру и сумели переправиться на Левый берег, что обеспечило небольшую паузу в военных действиях. Однако узнав, что шедшие с ним на соединение запорожцы движутся вверх по правому берегу реки, казакам Голуба пришлось переправляться обратно, став обозом «в семи верстах» от польского войска [8. С. 30–40; 9. С. 145–146, 151–152].

Историки до настоящего момента считали, что гетманом запорожцев в ходе восстания был Марко Жмайло [1. С. 12, 18, 21–22; 7. С. 527, 544–547] (см. также [10. С. 26–32]), что как будто подтверждалось польскими источниками. Так, в анонимном «Диариуше украинной экспедиции с запорожскими казаками в 1625 году» его имя упоминается под записью от 11 (1) октября², когда в польское войско, располагавшегося в миле от г. Канева, приехали казацкие послы из того отряда, что находился «на волости». Они просили коронное войско «не наступать» на их лагерь, пока для переговоров не прибудет «гетман их Жмайло», который пребывал на Запорожье [11. С. 145–146]³. 19 (9) октября эту просьбу повторил другой казацкий посланец, и вновь с упоминанием Жмайло [11. С. 147]. Между тем в письме одного из предводителей казацких отрядов, «старшего» Яремы Михайловича, располагавшегося со своим отрядом в Крылове, где он, видимо, прикрывал переправу, имя гетмана не указано [3. С. 264], а первый непосредственно обращенный к М. Жмайло «лист» королевских комиссаров датирован 3 ноября (23 октября) [3. С. 277]. Б.Н. Флоря обратил внимание на противоречие информации «Диариуша...» и русских архивных документов, которые упоминают как гетмана запорожских казаков в это время Ф. Пырского и сообщают о его смещении после объединения сечевиков с казаками, находившимися «на волости» [8. С. 39. Прим. 68]⁴.

Если верить «Диариушу...», отряды с «волости» и из Сечи объединились 25 (15) октября. Уже на следующий день Конецпольский отправил в казацкий лагерь своих представителей с предложением условий замирения, которые запорожцы посчитали «тяжелыми». Они дебатировали их на раде, длившейся весь день 27 (17) и до полудня 28 (18) октября, прислав к вечеру того же дня послов к польским комиссарам и гетману, которые заявили, что «*mołojcy żadnego punktu z kondusyі danych pełnić nie obiecują*» («молодцы ни одного из пунктов данных им кондиций соблюдать не обещают») [11. С. 148–149]⁵. Как отметил М.С. Грушевский, привезенная казацкими послами декларация носила форму достаточно решительного отказа [7. С. 548–551]. Переговоры были прерваны, Конецпольский отдал приказ начать военные действия, увенчавшиеся соглашением под Куруковым, смещением Жмайло и избранием нового гетмана – М. Дорошенко (описание кампании см. [1. С. 27–39]).

До настоящего момента в распоряжении историков не было источников, которые могли хотя бы отчасти пролить свет на события казацкой рады и разрешить отмеченное Б.Н. Флорей противоречие, касающееся того, кто был гетманом Войска запорожского в период до конца октября. Между тем, русские архивные собрания еще отнюдь не исчерпаны с точки зрения поиска

² Здесь и далее для дат по новому стилю в скобках указан старый стиль.

³ «Диариуш» издан еще раз с другого списка [12. С. 103–112]. Между обоими текстами существуют некоторые расхождения, для данного исследования большой роли не играющие.

⁴ Соответствующие свидетельства опубликованных русских архивных документов см.: [2. С. 181; 13. С. 146, 149].

⁵ То, что ответ был «острым», отмечает и автор другого «диариуша» [4. С. 61].

и публикации источников, проливающих новый свет на историю казачьего восстания 1625 г.

13 января 1626 г. в Путивль, на Борисоглебскую заставу прибыли трое старцев из «литовские земли», из располагавшегося в Погребищах (ныне Винницкая обл., Украина) Вознесенского монастыря: игумен Андриан, черный поп Виталий, черный дьякон Савва, а также брат игумена, «белец» Федор Яцкович в сопровождении дьячка Яремы (Ермолки) и слуги Ивашки. Целью визита, как и обычно в таких случаях, было получение царского жалованья. Маршрут визитеров пролегал через Павлолочь — Фастов — Киев — Борисполь — Барышевка [14. Л. 1]. Об этом приезде на основе рассматриваемых в данной статье материалов кратко упоминал в фундаментальном труде К.В. Харлампович [15. С. 83], и недавно более подробно — Б.Н. Флоря, добавив к информации исследователя сведения из фонда Разрядного приказа (Приказной стол). В частности, он отметил, что игумен Андриан привез в Путивль список с Куруковского договора [9. С. 169]. Однако материалы дела из Греческого фонда (№ 52) РГАДА, которые легли в основу этой работы, никто из исследователей подробно не рассматривал.

Игумен Андриан передал путивльским воеводам А. Головину и И. Есипову три письма — царю и патриарху (оба от 29 декабря 1625 г.), сохранившиеся в оригинале, а также главе правительства боярину И.Б. Черкасскому (не сохранилось). В первом он сообщал, что Погребищенский Вознесенский монастырь «в земли Малыя Росии» возник в 1601 г. К царю Андриан обращался как к «православнии христианския веры сияющему и венцем царствия украшенному и всякия добродетели исполненному и страхом Божиим огражденному, благочестивому и христоробивому милователю святых и божественных церквей», называя его самодержцем «всей росийския земли». Он сообщал, что собрался в путь вместе с другими духовными лицами, прослышав о щедрости царя к единоверцам («слышаше от многих верных хрестиян и приемлющих от твоего пресветлого царского величества пожалование»). Ранее вместе с архимандритом Острицкого монастыря Петронием в Москву ездил монастырский дьяк Ярема, но он всю полученную тогда «милостыню до одного монастыря обернул» и в Вознесенскую обитель ничего не попало⁶. Поэтому делегация во главе с Андрианом просила теперь «пожаловати нас, нищих во нынешнее лютое время пребывающи во гонениях и скорби, не имущи чим удовлети и здобити божественныя церкви». Монахи выражали надежду, что их пропустят в столицу «царского величества видети и поклонитися подножию ногу яко царю во православных православнейшому и милосердну паче всяких царей, превосходящу добродетелию яко ж царю Константину, украшающи божественныя церкви и милующи странных» [14. Л. 5–5об.]. В послании «святейшому отцу отцем и пастырови пастырем», Филарету Никитичу, «патриарсе Великия Росии московскому, отцу нам пречестному», Андриан писал, что он и его спутники «яко ж пчелы ко матце ко благословиению святых и святительских рук [...] главы своя» приклоняют. Сетую, что «во нынешнее лютое время во земли росийстей» православные пребывают «во гонении от нынешних человек, паче ж развращающих церковь Божию», Андриан также, как и в письме царю, просил

⁶ По информации воевод, черный поп Виталий также приезжал в Путивль 11 сентября 1625 г. вместе с неким игуменом из Луцкого повета Кириллом, черным попом Игнатием, священником Самойлом. 17 октября по царскому указу всем им дано жалованье, в том числе священнику Виталию — сорок куниц и 7 руб. денег. Прибыв в Путивль теперь, Виталий сообщил, что ныне он от игумена Кирилла «отшел и живет в Погребищах в Вознесенском монастыре» [14. Л. 3–4].

помочь монастырю милостыней, которая «даже и до святого града Иеросалима ведома» [14. Л. 6—боб.]. Письма в столицу повез путивлец боярский сын Федор Трифонов, а представителям Погребищенского монастыря было велено остаться в Путивле до «государева указа» [14. Л. 3]. 4 февраля новым воеводам Богдану Михайловичу Нагому (Нагово) и Петру Никитичу Бунакову царской грамотой было приказано вручить игумену Андриану присланные из Москвы сорок куниц, да выдать ему же и священнику Виталию по 10 руб., дьякону Савве — 8 руб., брату игумена Федору — 7 руб., дьячку Ермолке — 4 руб., слуге Ивашке — 3 руб. деньгами из путивльских «таможенных доходов», после чего отправить всю делегацию восвояси, предоставив подводы и корм «до рубежа». Пропускать в столицу их было не велено по причине слухов о «моровом поветрии» в «Литве» [14. Л. 31—36]. 13 февраля воеводы получили грамоту, а 17 числа, вручив приезжим жалование, отпустили их в обратный путь «прилуцкою дорогою» [14. Л. 37—41].

Традиционно в путивльской съезжей избе украинские духовные лица сообщили последние новости, касавшиеся польско-казацких взаимоотношений. После подавления восстания 1625 г. гетман Конецпольский выехал в Бар и ныне занимался приготовлениями к кампании против «швецких немец» и маршу на Вильно, для чего писал к гетману М. Дорошенку и к «выборным» казакам, чтобы «оне готовы были на службу». Андриан и его спутники встретили Дорошенку под Трепольем 4 января вместе с четырьмя польскими комиссарами и 20 казаками. Гетман и комиссары ехали в Киев, куда казаки, «которые выброны» в шеститысячный реестр, установленный Куруковским договором, должны «изо всех украинных городов съезжатца в Киев к нему Дорошенку». В городе находилось «поляков пять рот, что было оставлены от гетмана польского для козацкого разбору», которые после его завершения намеревались двинуться в Вильно и поступить под командование литовского польного гетмана К. Радзивилла [14. Л. 1—2].

Однако самая важная для историков информация содержится не в этих устных сообщениях, а в тех двух документах, которые подал Андриан в путивльскую приказную избу. Игумен предъявил «письмо з договору гетмана Конца Полского с козаки, на чом оне помирилис», то есть текст Куруковского договора, и рассказал, что документ дал ему «для ведомости в Погребищах сын ево духовной, капитан гойдуцкой сербин Ондрей Липа». Сам Липа «был в те поры в обозе з гетманом с Концем Полским» [14. Л. 3]. Еще более интересным и в своем роде уникальным источником, переданным русским властям, стал текст речи полковника Олифера Голуба, произнесенной на казацкой раде по случаю выбора гетманом Марко Жмайло.

Читая выразительные и полные экспрессии строки с призывом к запорожцам стать твердой ногой на своей исконной земле, невольно вспоминаешь сочные монологи Тараса Бульбы, устами которого Н.В. Гоголь столь мастерски выразил дух далекой для него эпохи. При этом речь Голуба — не литературное произведение, а документ, возникновение которого самым тесным образом связано с событиями казацкого восстания 1625 г. Его без сомнения, стоит соотнести с двухдневной радой 17—18 (27—28) октября, которая, как уже не раз бывало ранее, стала ареной противостояния сторонников соглашения с польским правительством и радикально настроенных казаков. Последних, как известно, возглавляли Голуб и Жмайло, при этом избрание последнего гетманом очевидным образом коррелирует и с наблюдениями Б.Н. Флори о смещении приверженца «умеренной партии» Пырского после объединения

казацких отрядов, сделанными на основе русских источников, и с отмеченным польскими источниками отказом казаков принять условия комиссаров Речи Посполитой.

Учитывая скорое поражение запорожцев и передачу булавы М. Дорошенко, гетманство Жмайло, таким образом, длилось около десяти дней, и его, наравне с Голубом, можно считать одним из руководителей, но никак не лидером восставших.

Речь Голуба дает в руки исследователя не только изложение той аргументации, при помощи которой он и его сторонники пытались убедить казачество занять жесткую позицию в отношении польских требований, но и позволяет составить широкое представление о политической программе радикальных кругов запорожцев. Полковник «Олефер» начал обращение к раде с важной констатации, что избрание Жмайло обрадует как казаков, так и всех людей «народу нашего релее руское», подчеркивая, что Войско запорожское выступает не только со своих узкосословных позиций, но и выражает интересы всего православного населения Речи Посполитой.

Голуб стремился убедить запорожцев, что нынешнее положение войска вполне удовлетворительное и, соответственно, не требует заключения какого-то соглашения с польскими комиссарами. Используя монархические настроения казачества, полковник заявлял, что благодаря нынешнему королю Сигизмунду III казаки не имеют никаких «зверхних» над собой, под которыми следует понимать назначавшихся прежними «нерозсудными» королями гетманов. Еще более весомым является заявление Голуба, что казаки имеют «землю свою», под которой, видимо, следует понимать территории Среднего Поднепровья, к которым полковник предлагает присоединить Брацлав и Винницу, а также Житомир и Овруч «бо оттол продкове наши вышли и завше были, и тепер ест». Таким образом распространение политического влияния казачества предполагалось практически на всю территорию Брацлавского и Киевского воеводств. При этом если в первом случае предлагалось опираться на содействие короля, то в последнем — искать сотрудничества с теми «ляхами», которые хоть и находятся «далеко» от казацких земель, тем не менее, «любят» казацкую «славу». Речь видимо шла о тех представителях коронной и литовской (К. Радзивилл⁷) знати, которые в отличие от Конецпольского и находившихся в его войске королевских комиссаров, не имели материальных интересов на Украине и, по мнению Голуба, готовы были идти на уступки казакам при поддержке короля. Все это предлагалось оформить путем отправки официальных послов к королю и дружественным магнатам, чтобы взамен за озвученные выше уступки обещать от имени войска защищать границы Речи Посполитой от «неприятеля креста святого», т.е. от турок и татар.

Центром казацких владений и ставкой запорожского гетмана, по представлению О. Голуба должен был стать Киев, который *de facto* и так уже находился «в руках» казачества. Он выражал недовольство действиями киевского воеводы Томаша Замойского, который не только не поддержал целостность городских укреплений, но и способствовал их упадку и разрушению, не заботился «о святых церквах», притеснял мещан, пытаясь выманить у них как можно больше денег,

---

⁷ Польный литовский гетман и один из лидеров оппозиции в Речи Посполитой К. Радзивилл в первой половине 1620-х годов поддерживал оживленные и довольно доверительные контакты с Войском запорожским, как напрямую, так и через посредство православного духовенства [3. С. 208–209; 16. С. 310–347].

что якобы даже привело к упадку мещанского сословия в городе и массовой записи его представителей в казачество. Голуб считал, что казачество должно добиваться изгнания Замоийского и передачи воеводских функций запорожскому гетману, который смог бы организовать восстановление церквей, починку городских укреплений со снабжением их артиллерией, одновременно прекратив вытягивать из мещан «великие доходы». Более того, в администрацию гетмана должны были быть переданы все более-менее важные «украинные» города, куда он мог бы назначать «на староство» своих полковников. Им должны были подчиняться все «рыцарские» люди, под которыми можно понимать в данном случае и казаков, и шляхту. Последнее подтверждается и тем, что королевских урядников и старост предлагалось удалить по причине того, что в «украинных» городах и так якобы уже всем заправляли казацкие атаманы, а старосты «только з жидами старыми, слепыми, с такими, которые нам не на що не пригожи, с тыми справу мают». В конце концов, Голуб полагал, что лучше будет попросту «выкинуть тых старост» в надежде на ласку и одобрение короля.

Изложив таким образом свое видение будущего административно-территориального устройства Войска запорожского на Киевщине и Брацлавщине, полковник перешел к военному аспекту. Здесь его предложения были не менее радикальными. Он предложил ликвидировать так называемое кварчаное войско, созданное в свое время специально для защиты пограничья и оплачиваемое четвертью доходов с королевских имений («кварта»; отсюда название). Эти средства следовало передать казакам, которые, как считал Голуб, вполне способны организовать и укомплектовать в достаточном количестве необходимые для такой службы подразделения. При этом, казаки не стали бы облаживать дополнительными налогами свою «рускую братью», компенсируя возможный дефицит бюджета на содержание таких войск за счет военной добычи, которая, по словам Голуба, могла бы быть отнята у запорожцев только в том случае, сели бы реки, текущие в Черное море, «до Вислы се обернули». Последнее свидетельствует о решительном нежелании казаков прекращать военные походы на Крым и Турцию, как того требовало от них польское правительство.

Призывая М. Жмайло, новоизбранного гетмана, твердо отстаивать предложенную им политическую программу, Голуб обратился к славным, с его точки зрения, деяниям запорожцев в предыдущие времена своей истории, когда польское правительство демонстрировало слабость, не имея возможности остановить казаков. Сбравшимся на раду припоминалось взятие Переяслава казаками К. Косинского в 1591 г., походы Г. Лободы в Молдавию и восстание С. Наливайко, который разорил Слуцк, Могилев, владения князей Острожских, когда шляхту вешали на воротах.

Вспоминалось и убийство королевского представителя Григория Глембоцкого, который был в 1585 г. отправлен на Волынь и в Подолию, чтобы разыскать отогнанные казаками татарские стада. Казаки замучили его до смерти, а тело выбросили в Днепр. Вопреки словам Голуба, убийцы Глембоцкого не остались совсем безнаказанными. По приказу тогдашнего гетмана Михаила Ружинского они были арестованы и посажены в городскую тюрьму Киева [17. С. 112–114].

Религиозный мотив в речи Голуба явно находился на втором плане и звучал несколько однобоко, упирая исключительно на вооруженную расправу с униатами, которых казаки не мало «надтопили» (потопили). В виду, несомненно имелось недавнее убийство (в январе 1625 г.) запорожцами киевского войта Федора Ходыки и священника Ивана Юзефовича, которые якобы были

склонны к унии [18. С. 304–311; 19. С. 289–300; 20. С. 379–388], а также наместника униатского Киевского митрополита Антония Грековича (в 1618 г.), который был утоплен в проруби [18. С. 298–300; 21. С. 89–91]. Характерно и упоминание Голубом убийства витебскими мещанами униатского митрополита Иосафата Кунцевича в контексте именно казацких «подвигов», что свидетельствовало об общности интересов в борьбе против унии казачества и остального народа «религии русской» в представлении запорожского полковника. С другой стороны, нельзя не отметить совет приятельных к казачеству «ляхов», которые якобы неоднократно предлагали запорожцам «з своим духовенством се porozумети». Возможно объяснение этого нюанса отчасти кроется в документах, опубликованных сначала украинским историком М. Довбыщенко, а затем его польским коллегой Томашем Кемпой, которые показывают натянутость отношений между казачеством и киевским духовенством, недовольным хозяйничаньем запорожцев «на волости» и стремившемся в глазах польских магнатов отмежеваться от убийства Ф. Ходьки [18. С. 369–372; 19. С. 296–300].

Безнаказанность казачества в борьбе со своими врагами была вызвана, по мнению Голуба, покровительством им со стороны короля. Объясняя в рамках подобного наивного монархизма поход Конецпольского, он полагал, что Сигизмунд III был вынужден сделать это «за великою доукою» украинной шляхты. Однако часть ее, также как и король, готова была пойти на компромисс с запорожцами, нежели жить в постоянной угрозе их нападений, ожидающих всех, кому не по нраву казацкие вольности, подтвержденные не только патриархом иерусалимским Феофаном, но и самим «паном Богом». В связи с этим полковник предлагал М. Жмайло и запорожцам «смело» наступить на польское войско, обосновывая их право на вооруженное сопротивление защитой своей земли, своей отчины, «дедичами» которой провозглашались казаки. Голуб отвергал любые попытки напугать казаков турецко-татарской угрозой, выражая уверенность, что совместно с донцами запорожцы доставят еще немало неприятностей Крыму и Порте.

Речь Голуба завершилась прямо-таки гимном казацкой удали и безрассудству с жизнью по принципу «после нас хоть волк траву ешь», одновременно формулируя безапелляционное право казаков распоряжаться на своей земле так, как им заблагорассудится: благодаря им пустынные украинские земли наполнились людьми, по их воле могут и вновь опустеть.

Общая тональность речи О. Голуба является дополнительным подтверждением приведенных Б.Н. Флорей свидетельств того, что для казачества в ходе восстания 1625 г. приоритетной целью было укрепление своего социально-политического положения в рамках Речи Посполитой, нежели обращение за покровительством к Русскому государству, на помощь которого в разразившемся внутреннем конфликте рассчитывал митрополит Иов Борецкий. Характерно, что даже О. Голуб, который по сведениям русских источников посылал в Белгород Серебряного, а затем возглавил казаков, недовольных Куруковским договором (владыка Иов предлагал в декабре 1625 г. русскому правительству призывать казаков Голуба на государеву службу) предпочел вместе с частью их уйти в Крым, а не «отъехать» к русскому царю [9. С. 145–154; 13. С. 149–150; 22. С. 52–53].

Оценивая речь Голуба как политический проект казацкого автономизма в период до восстания Б. Хмельницкого (1648), следует подчеркнуть, что он выходил далеко за рамки тех требований, которые казаки официально

предъявляли властям Речи Посполитой. В инструкции 1622 г. казацкому посольству на сейм они сводились к свободному проживанию казаков в имениях духовных и светских землевладельцев Киевского воеводства, освобождение территорий последнего от постоев коронных войск, право на отдельный казацкий суд, вольный промысел зверя и рыбы, прекращение гонений на православных и легализация рукоположенных патриархом Феофаном митрополита и епископов и др. [3. С. 243–245]. В конце октября 1625 г., в ходе переговоров с королевскими комиссарами к этому добавилось право свободного выбора гетмана, право вольного приема и отпуска всех, приходящих на Запорожье, увеличение сумм денежного жалованья. При этом казаки согласились отказаться от сношений с другими державами и от походов на море [3. С. 269–272] (см. также [23. С. 151–153]).

Все эти условия были направлены в первую очередь на защиту уже *de facto* имевшихся казацких вольностей, носивших главным образом сословный характер и не привязанных четко к административной структуре украинских воеводств Речи Посполитой. Голуб и его сторонники, напротив, предлагали введение в Среднем Поднепровье, а если получится – то во всей Киевщине и Брацлавщине политико-административного устройства без королевских старост, кварчаного войска, киевского воеводы и прочих коронных урядников, что должно было превратить казачество в главную политическую силу в регионе, резко изменив в его пользу баланс сил в отношениях с магнатско-шляхетскими кругами.

Характерно, что правящие круги в Варшаве, может и незнакомые с текстом речи Голуба, тем не менее вполне отдавали себе отчет в подобных намерениях казачества. В королевской инструкции на предсеймовые сеймики в декабре 1625 г. констатировалось, что казаки пытаются создать «*udzielną sobie gzeszczpospolitą*» («себе отдельную республику»), захватывают земельные владения, ограничивают свободы шляхты, устанавливают свою власть в королевских городах и местечках, узурпируя власть так, что «*Ukraina wszystka jest od nich schołdowna*» («Украина вся им подчинена») [24. С. 285] – все в соответствии с теми идеями, которые озвучивал О. Голуб.

Анализируя проект Голуба нельзя не вспомнить возникшие на тридцать лет раньше, почти одновременно (в 1596 г.), известные «кондиции» гетмана С. Наливайко и план «казацкого княжества» киевского католического епископа Иосифа Верещинского. Первый предлагал королю Сигизмунду III разрешить казакам поселиться на пустынных землях Буго-Днестровского междуречья, построив там замок на пересечении турецко-татарских путей. Никакой конкретики касательно политико-административной структуры нового образования Наливайко не формулировал, ограничившись предложением о жаловании деньгами и сукнами за счет казны Речи Посполитой с возможностью посылать казаков для приобретения хлеба и военных припасов «на Белую Русь» и замечанием о необходимости жесткого подчинения своей власти запорожцев, в том числе военными мерами. Стоит отметить также, что он готов был не только не принимать в свой реестр беглых подданных магнатов и шляхты, но более того, разорив Запорожье, обещал обрезать беглецам нос и уши и отправить обратно к «украинным старостам» [25. S. 218–219] (подробней см. [23. С. 223–237; 26. С. 59–60]). Наливайко таким образом, не только не противопоставлял свое «Бугско-Днестровское войско» (термин П. Саса) политико-административным институтам шляхетской и королевской власти в Среднем Поднепровье, но и готов был с ними тесно взаимодействовать.

В 1941 г. украинский историк-эмигрант Михаил Антонович опубликовал и проанализировал найденный им в Гданском архиве проект создания «казацкого княжества» известного общественного и религиозного деятеля, киевского католического епископа Иосифа Верещинского. Проект, который М. Антонович справедливо считал политически более зрелым, нежели идея С. Наливайко, состоял в передаче Войску запорожскому территории Заднепровья – Левобережья Днепра в среднем и верхнем течении реки вплоть до московской границы. Ставкой главы образования – заднепрского князя должен был стать Переяслав, ставкой второго лица, гетмана – Лубны, центрами остальных полков – города и местечки левобережной Киевщины (Остер, Пириятин, Борисполь и др.) и юго-восточной части Великого княжества Литовского (Мстиславль, Радомль, Кричев, Чичерск, Пропойск, Гомель). Всего предлагалось учредить 13 полков. Шляхта и иные «обыватели» на этих территориях должны были либо нести службу вместе с казаками, либо получить «заopatzenie» («снабжение») где-нибудь в другом месте, т.е. переселиться. В проекте Верещинского никак не раскрыты отношения «заднепровского князя» и его «княжества» с королем и Речью Посполитой, за исключением обязанности первых выставлять на службу шляхетской республики 3–4 тыс. казацкого войска [23. С. 270–280; 26. С. 55–63, 75–77]. План Верещинского предполагал создание политико-административной автономной единицы на границе Русского государства и Речи Посполитой, связанной с последней некими условно-вассальными отношениями, содержание которых никак не определялось. С точки зрения реализации этот проект, впрочем, был еще менее реален, нежели план Наливайко, поскольку требовал согласия шляхты тех воеводств Короны и Литвы, земли которых должны были отойти казакам, а соответственно и сейма шляхетской республики. Очевидно, что добиться подобного решения в политических условиях шляхетского парламентаризма было невозможно.

В сравнении с планами 1596 г. проект Голуба представляет собой следующий этап развития идеологии казацкого автономизма, когда сословные привилегии казачества предлагалось соединить с политико-административной автономией Войска запорожского на Киевщине и Брацлавщине при сохранении там уже существующих форм светского и духовного землевладения, а также при поддержке короля и влиятельной группы магнатов в Варшаве.

Текст речи Голуба следует считать не только политическим проектом, но и чуть ли не единственным произведением казацкой «публицистики» первой половины XVII в., образцы которого для всего периода истории украинского казачества вообще крайне редки. В нем излагаются не только конкретные предложения административно-политических реформ, но восхваляются «былинные подвиги» казацкого войска в борьбе с властями Речи Посполитой и унией. В силу того, что речь обращена именно к казачеству и наоборот, не предназначена для ушей королевских урядников, комиссаров и шляхты, в ней откровенно высказаны те чаяния запорожцев, которые не включались в их официальные инструкции и послания королю и республике. «Народный» монархизм Голуба сочетается с культом казацкой силы, когда во главу угла ставится вооруженная и жестокая расправа с оппонентами. Подобные характеристики казачества противоречат образу христианского рыцарства, созданному в ряде западнорусских полемических произведений, в том числе знаменитой «Протестации» Иова Борецкого, в которой подчеркивалась набожность и религиозность Войска запорожского, а его воинственность сопрягалась главным образом с борьбой против врагов христианства (Крыма и Порты) и защитой православия [23. С. 74–83; 27. С. 148–150].

Тем не менее, текст речи Голуба был переписан, и возможно копировался впоследствии, в одном из церковных центров Правобережной Украины, что подчеркивает живой интерес церковных кругов к внутривойсковой жизни Войска запорожского, естественного союзника киевского духовенства в борьбе за религиозные права. В Вознесенском погребщенском монастыре был создан и список Куруковского договора. И данные документы, и письма игумена Андриана царю Михаилу и патриарху Филарету написаны рукой одного писца (Андриан в конце подписи поставил лишь нетвердой рукой слова: «Поклонение до лица земли» [14. Л. 5об., 6об.]).

Список Куруковского договора является еще и плодом труда неизвестного переводчика, поскольку польско-казацкое соглашение 1625 г. до настоящего момента было известно только на польском языке, на котором оно, скорее всего, и было изначально составлено. Более того, указанный кириллический текст является, судя по всему, самой близкой по времени переводной копией документа, пусть и весьма неточной, оригинал которого неизвестен.

Польский текст Куруковского соглашения был несколько раз опубликован в XIX в., сначала в польском издании [11. S. 230–241], а затем составителями Архива Юго-Западной России (по списку из частного архива Г. Свидзинского) [28. С. 284–292]. Исследователям известны по крайней мере две дошедших до наших дней рукописные копии Куруковского договора, сохранившиеся в составе рукописей Библиотеки Польской академии наук в Курнике (№ 338 и 341). На основе первого списка он был опубликован в новейшем украинском издании [3. С. 283–287]. Публикаторы считают его более ранним, однако не совсем ясно, на основе чего они пришли к этому выводу. Рукопись № 338 («*Diariusze sejmów 1623, 1625, 1626 i 1628 roku oraz inne materiały, dotyczące panowania Zygmunta III, w szczególności układów z Kozakami*») в каталоге Курницкой библиотеки датирована XVII в. Она попала туда из собрания известного политика, общественного деятеля, ученого и библиофила Тадеуша Чацкого (1765–1813), к ее описанию приложил руку другой известный ученый и библиотекар, Лукаш Голембиовский (упоминания об этом значатся на л. 1–2 рукописи), который в начале 1790-х годов работал канцеляристом у Чацкого, когда тот был членом Комиссии Коронного скарга. Книга № 341 («*Diariusze lat 1625–1630 oraz korespondencja dyplomatyczna*»; издатели текста Куруковского договора ошибочно указали другой номер – 306) имеет более узкую датировку, поскольку согласно каталогу библиотеки ее автором значится Ян Брожек (1585–1652), выдающийся польский ученый и ректор Краковского университета⁸. Данную рукопись Куруковского договора следует, видимо, считать более ранней, переписанной в период 1630–1640-х годов, хотя текст из книги № 338 полнее воспроизводит подписи и содержит упоминание о приложенной к договору печати Войска запорожского.

Как уже отмечалось, текст Куруковского договора игумену Андриану дал служивший у С. Конецпольского в гайдуках серб А. Липа, который, возможно получил его из гетманской канцелярии. Однако перевел ли Липа его сам или передал польскоязычную копию Андриану остается неясным. Можно было бы уверенно предположить последнее, если бы не значительное количество ошибок и упущений, присутствующих в переводе. Большинство из них могут быть, впрочем, объяснены невнимательностью монастырского переводчика,

⁸ См. описания рукописей № 338 и 341 и сами рукописи в электронном виде на сайте Великопольской цифровой библиотеки: <https://www.wbc.poznan.pl/dlibra>.

однако странным кажется факт, что в отдельных местах он не смог правильно расшифровать сокращение типа «Rpta» («Rzeczpospolita»), заменив его малопонятными в данном контексте словами «репщия» или даже «репутаця». Это как раз можно было бы объяснить тем, что текст был переписан кириллицей самим Липой, который, как чужеземец, мог не знать или не понять указанное сокращение. В ряде мест слова «Речь Посполитая» вообще опущены, однако вряд ли можно тут видеть сознательное стремление переводчика/переписчика умалить политическое значение республики. Значительные искажения и ошибки в списке Куруковского договора должны были несомненно осложнить работу уже московских переводчиков, которые подготовили переложение и текста договора, и речи Голуба [14. Л. 14–30]. Однако анализ московских переводов в сравнении с привезенными Андрианом оригиналами – тема отдельного исследования.

В приложении публикуются подлинные документы: речь О. Голуба и список с Куруковского договора. Публикация осуществлена с опорой на известные «Правила издания исторических документов» (М., 1990) с некоторыми отступлениями, которые, учитывая относительную редкость подобных памятников для первой трети XVII в., направлены на то, чтобы снизить степень модернизации и осовременивания текста. При издании сохраняется буква «Ѣ», мягкий знак на конце слов (напр.: «ест», «милост» и др.) и перед гласными, где он играет разделительную функцию в русском языке (напр.: «братья»), не восстанавливается, сокращения, обозначенные титлой (в словах типа «святой», «пан», «наше», «Бог» и т.д.) и двоеточием (в словах типа «королевская милость», «Речь Посполитая» и др.) раскрываются в квадратных скобках, утраты текста восстанавливаются в угловых. В нескольких случаях проставлен, однако, твердый знак перед гласными, там, где он выполняет разделительную функцию (напр.: «зъеднати»).

При сравнении публикуемого списка с Куруковского договора и наиболее ранней польской архивной копии (кн. № 341 из Курницкой библиотеки) цитаты на польском языке даются согласно инструкции издания исторических документов, разработанной К. Лепшим [29], при цитировании публикации соглашения, подготовленной украинскими археографами [3] – так, как они приведены в этом издании.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Документ № 1

1625 г. [октября 17–18 (27–28)]. Речь на казацкой раде запорожского полковника Олифера Голуба с призывом к новоизбранному гетману М. Жмайло расширять и укреплять влияние казачества в Речи Посполитой.

(Л. 12об.) Предмова в радѣ козацкой от Олефѣра полковника, што был гетманом, при обраню гетмана Змаила.

Г[оспо]д[и]не гетмане, хвалим Г[оспо]да Б[о]га, же на нас Г[оспо]дь Б[о]г взглянул, на люде бл[а]говерные, братю нашу маломужную. От полтешатся люди много, а звлаща народу н[а]шого релѣи руское, што видячи мы яко тут тые, которые за ласкою Б[о]жюю от п[а]на Б[о]га назначоною, особливо за то Г[оспо]ду Б[о]гу дяковат маем. И тое пред очима мац потреба и пилно се старат, не уступючи в силах своих рыцерских, якож хвалим Г[оспо]да Б[о]га, же з ласки Б[о]жое и з ласки его к[о]р[о]левской] м[и]л[о]ст[и] нѣ в чом се нам

уйма не дѣет, як у волностях н[а]ших, которых собѣ шо ден причиняемо, яко теж и великости н[а]шое, которая за помочю Б[о]жею ест незмѣрна велика. Колибыхмося за в[ашей] м[ило]стю присмотрѣти хотели, которую я, в[аша] м[ило]ст, п[а]не гетмане и всему товариству нашему выразити мушу. Напервей за щасливым п[а]нованем его к[о]р[олевской] м[ил]л[ости] маемо землю свою, в которой перед тым за нерозсудных королюв мѣли есмо звѣрхних над собою, тепер теды п[а]нуем над ними, где одно нам потреба – присити^а ево к[о]р[олевскую] м[ил]л[о]с[т] о Браславлю и о Вѣницу, бо оттол продкове наши вышли и завше были, и тепер ест. А Житомир и Овручий до земли нашео Киевское через послы н[а]ши достати маем и подарки отдати тым, которые нам присегли. Зъеднати можемо того всего, доступити яко ж маем по собѣ великие п[а]ны и поляки, а н[а]шие ляхи, которые от нас далеко живучи, спокойне славу н[а]шу любят и все нам признавают. И всегда, коли се нам трафит в них побывати, то от них слово доброе чуем, толко бы нам потреба з своим духовенством се порозумѣти. А послов таких слати, абы были не осѣлые не жонатые, по просту таких нам потреба, которые бы нѣ на шо ся не огледали и которие в наших волностях смукуют. А коли бы так щасливыми тые послы н[а]ши были, чого се и сподеваем, же за щасливым п[а]нованем к[о]р[оля], п[а]на н[а]шого, тое одержавши, слушне абысмо тую ласку вдячностю ево к[о]р[олевской] м[ил]л[ости], яко реч, то ест порядком своим, чулостью и застановенем ся против неприятеля креста с[вя]т[ого] и до ойчизны полское не зборонялис, але и овшем ее мощно боронили. А Киев хоц тепер у наших руках, пред ся непорядок великий, который выразити мушу. То першая, иж Замойщениа¹ не для порядку Киев держит, толко для остатнее згубы, повинност як была замок опрарити казати, которого в мѣсто поправки што знает, то он спалит, о с[вя]тых ц[ер]квах нѣчого не дбает, мешаном волност уймае, а шо мовлю, о интрату з ними трактует без сорому, торгуется як жид, зачем теж стало мешан барзо мало, толко хромые, слепые, старые, негодяи держатся, а хто почув на войну, до нас прибираются. То лѣпше бы ся ему до Ляховичов² выправит где, а на том мѣстцу мѣл бы наш гетман, сидячи, около себе людей рыцерских, брати нашеи, замок бы (л. 13) округтовал будынком и арматою и ц[ер]квы с[вя]тые направил бы, а людей бы не вытягал на великие доходы, до того, абы огледѣл мѣста украинные, до которых бы на староство полковники свои розслал. Тот же пулкувник у мѣстѣ мешкаючи, справовал бы всѣми людми рыцерскими, бо бы тые урядники теперишние украинные мало на што потребные, бо всюды за ласкою его к[о]р[олевской] м[ил]л[о]с[т]и и за щасливым п[а]нованем его в той земли н[а]шой атаманы всѣм стравуют^б, а старостове толко з жидами старыми, слѣпыми, с такими, которые нам нѣ на шо не пригожи, с тыми справу мают. По просту мовячи лѣпше бы нам выкинут тых старост в надѣю его к[о]р[олевской] м[ил]л[о]с[т]и ласки. А шо обмышляют за плату жолнѣровѣ квартяному, которых зовут стражем ойчизны, служб тых не потреба, бо бы приложивши тую плату до тое данины н[а]шое, которую дают и давати завше мусят, тедыбысмо важили^с порядки н[а]ши войсковые и на люде такие, которые нам потреба збирати, всѣх людей судов своих близко прилеглих на прудший зятяг, але на заволане завше ест готовы. Податками бысмо не здирали руск<ую> братю н[а]шу, бо мы маемо пожитки свои з моря и с поля, чого нам Реч Посполитая трудно^д отняти может, хиба бы рѣки Чорным морем плывучи до Вислы се обернули. Буд же в[аша]

^а Так в рукописи. Должно быть «просити».

^б Так в рукописи. Возможно должно быть «справуют», т.е. управляют (от польск. sprawować).

^с Так в рукописи. Возможно должно быть «зажили», т.е. использовали (от польск. zażyć).

^д Слово написано два раза подряд.

м[ило]с[т] цепер, дай Боже, щасливым, новообраный пане гетмане, таким щастем, як продкове твои, жебыс нам нѣчого нам не^е воймало^f и в малом часѣ даст Бог, розширимо наступи, едно смѣло, бо штож у Полши за порядок, от есмо Кглембоцкого утопили³, Любаша забили, Переяславль высѣкли⁴, Могилу и Слуцк в нѣвеч обернули⁵, Витебск вырубали (мещане владыку⁸ умордовали)⁶ и незлѣчную реч мы за Наливайка шляхты выстинали, князей Острозких мѣста выпалили, нѣкоторых п[а]нов на воротах их вывѣшали, постановене з Волоское земли розорвали⁷, Буцня стяли⁸, Длукгоборского росѣкли, а иншого хто се напамяет, хот то по части унятов надтопили, а што с поля и з моря, хто их злѣчит. Усе то ласка его к[о]р[о]левской] м[и]л[о]с[т]и справует, усе то ласкавым оком панским своим переносит. Дякуймо ж п[а]нове брата, Г[о]с[по]ду Б[о]гу, иж маем п[а]на по собѣ. Да не своей то он хоти учинил, що он небошика канцлѣра на тую комисию до нас зослал⁹, але то он учинил за великою доукою шляхты украинное. Наступи едно на них п[а]не гетмане смѣло, бо уже не много их, яко ж и тые волили бы з нами жити, нѣжли в небезпеченствѣ от нас теперишнего часу быти, бо праве юж люде на них наступили, которых понищили. Теды для того самого, а нашого плохого и короткого розуму волили бы се нас держати, которое^h не хочут, так и мусят, кгдаж вѣдают заховане наше. Дай п[а]не Боже пожити и отячити, яко дедичом тое ойчизны и земли, но ж що розумѣш, если и шляхта в нашей волности не смакуют, але нашим волностям и справедливости (л. 13об.) мѣры нѣ маш, которая нам ест от п[а]на Б[о]га и от найс[вя]тѣйшого патриархи потвержена¹⁰. А што нам турками страшат, сподеваемся на Б[о]га, што им докучимо и тут свой вѣк седа докончаемо, еще мы им так з Дону, як и Днепром додержимо, а по нашей головѣ хот волк траву иж, еще ж то за нашими молодецкими головами и сая пустыня осела, а за нашим войском и тепер седит, за нас же может быти и пуста.

РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1626 г. Д. 9. Л. 12 об. — 13 об. Внизу л. 13 об. помета: Так-во письмо переводил Исак Житкой генваря в 28 день¹¹.

Примечания

¹ Томаш Замоийский (1594—1638) — киевский воевода Речи Посполитой в 1619—1628 гг.

² Ляховичи — город в Новогрудском воеводстве Великого княжества Литовского. Почему именно туда предлагалось выслать Т. Замоийского, не ясно.

³ Подробнее об убийстве королевского посланника Г. Глембоцкого см. в [17. С. 112—114].

⁴ Речь, по всей видимости, идет о захвате Переяслава казаками К. Косинского в 1591 г., которые Переяслав «moczą dobywszy, namiesznika tamecznego y wiele slachty y lud pospolity na glowe wysiekli, maiętnosc, strzelbe, dziala, hakownicze y czo iednokolwiek bylo pobrali, zamek y miasto funditus spalili» («силой добыв, наместника тамошнего и множество шляхты и простого народа на голову посекали, имения, оружие, пушки, гаковницы и все, что было, позабирали и город до основания сожгли») [24. С. 69]. О сожжении Переяслава и убийствах городского населения сообщали и информаторы русского правительства [30. С. 56, 60].

⁵ Речь идет о белорусской кампании казацких войск в ходе восстания С. Наливайко. В Слуцке его войска пребывали в течение ноября 1595 г., взяв с города выкуп в пять тысяч злотых и вывезя из города артиллерию. В Могилеве казацкие отряды находились в декабре того же года. Они расправились со шляхтой и выступавшими против

^е Частица «не» написана два раза подряд.

^f Так в рукописи. Возможно должно быть «уймовало».

⁸ В рукописи написано «владку» (пропущена буква «ы»).

^h Последнее «о» в слове предположительно исправлено из «с».

Наливайко горожанами и купцами, подвергнув разграблению их имущество; были разорены также православные церкви и дома священников. В ходе боев Наливайко с подошедшими к Могилеву литовским отрядом в городе начался пожар, и он практически полностью выгорел [30. С. 164, 167–169; 31. С. 205].

⁶ Речь идет об убийстве жителями Витебска полоцкого униатского епископа Иосафта Кунцевича в 1623 г.

⁷ Речь идет о походах запорожцев в Молдавию в конце 1593–1594 г.

⁸ Буцни были достаточно разветвленным и зажиточным родом подольской шляхты (Барское староство) в конце XVI – начале XVII. Известно несколько представителей этого семейства, однако кто из них оказался жертвой конфликта с казаками, неизвестно [32. С. 183].

⁹ Речь идет, по всей видимости о Станиславе Жолкевском (1547–1620), великом гетмане и великом канцлере коронном с 1618 г. В 1619 г. он заключил с запорожцами так называемое Раставицкое соглашение, устанавливавшее трехтысячный казацкий реестр.

¹⁰ Речь идет о пребывании на Украине иерусалимского патриарха Феофана, посвятившего митрополита (им стал Иов Борецкий) и епископов для Киевской митрополии в 1620 г.

¹¹ Помета относится также и к документу № 2.

Документ № 2.

1626 г. ноября 6 (октября 27). Список с Куруковского договора между Войском Запорожским и Речью Посполитой, изготовленный в Погребещенском Вознесенском монастыре.

(Л. 10) Мы, Станислав на Конецполю Конецполский, сендомирский, гетман полный к[о]р[онный], велюнский, барский, Томаш на Замойсцю Замойский, киевский, казимирский^a, Ян з Жирова Данилович, земля русских, русский^b, корсунский, чегиринский воеводове; Гаврило Гойский, киевский, Мацѣй Леоновский^c, каштелянове; Станислав с Потока Потоцкий, подолский, Степан Немѣрич, киевский, подкоморове; Якуб Собеский, красноставский, Александер Балабан, трембвелский, рогатинский, Адам Калиновский, brasлавский, винницкий; Константин Вѣшневецкий Корибут, Ерий^d з Острога Заславский княжата; Януш Тышкович, Миколай с Потоку Потоцкий, воеводич brasлавский, Томаш Склинский жикгвульский, Годор Елец, хоружий, Филон Стрибул, чашник киевский, Ян Белецкий старостове, од его кор[олевской] м[и]л[о]с[ти] и Речи Посполитое до одправеня в пристойный порядок Войска Запорозкого и до отповѣженя им воли его к[о]р[олевской] м[и]л[о]с[ти] и Речи Посполитое комисарѣ назначонные, ознаймуемы, иж чинячи досыт порученю его к[о]р[олевской] м[и]л[о]с[ти] и Речи Посполитое, и повинности, которуюсмы на себе взяли, шукалисмы всяких способов, которых нам часы и оказый подавали, абы се было интенции и потребе Речи Посполитой яко

^a Так в рукописи. Должно быть кнышинский (польск. knyszynski) [3. С. 283].

^b Так в рукописи. Должно быть буский, поскольку Ян Данилович был буским старостой (от г. Буск в совр. Львовской обл., Украина), а на его должность русского воеводы указывает предшествующий текст: «земля русских [воевода]».

^c Так в рукописи, в польском тексте правильно: Мачей Лесьневский («Maciej Leśniowski»). Кроме того, далее них идет фрагмент, пропущенный в данном тексте: «belski, kaniowski, rakiborski, Marcin Kalinowski, halicki, bohustawski» [3. С. 283].

^d В рукописи Jerий, то есть Ежи или Юрий.

найбарзий догодити могло, так на меншее репщии^е крве прелянем. До чогосмы з милости наше и вѣры, повинни ку репутации^ф не тылко працы и отваги, здоровья не жалючи, з Божеею помочю и згодою нас всѣх, до такого ряду и послушенства Войско его к[о]р[о]левской м[и]л[о]с[т]и Запорозкое привелисмы. Напрод иж набарзий^г репщии^г обходили и обходити мѣли хожене их репщии^и на море мимо вѣдомост Речи Посполитое и заказ, также и збродне в мѣстах его к[о]р[о]левской м[и]л[о]с[т]и попелненные, то юж през шаблю за наступенем войска его к[о]р[о]левской м[и]л[о]с[т]и коронного значнейшую кару, а тым, которых щасте и воля Б[о]жая от тое казни заслонила и юж остаток их войска^ж, к[р]ез которую их репщью^к на одваг^л и услуги Речи Псполитой оферуючи и обещаючи именем его к[о]р[о]левской м[и]л[о]с[т]и и Реч[и] Посполитой, отпускаем. Также ани тым, которие в службе его к[о]р[о]левской м[и]л[о]с[т]и останут, ани тым, которые до обейстя своего ведлуг волѣ его к[о]р[о]левской м[и]л[о]с[т]и вернуться спокойне, им шкодити напотым не мает, бы едно старостом и урядум^м своим уважное пошановане и послушество отдавали и в жадные юрздыщии^н, пожитки и уряды (л. 10об.) ся не вдавали. Видячи притым реч пристойную, абы Войско Запорозкое, з подданных его к[о]р[о]левской м[и]л[о]с[т]и будучи, голову, албо старшого своего, яко з давных часов бывало, з раменя его к[о]р[о]левской м[и]л[о]с[т]и и п[а]нув гетманув коронных^о, теды мы, маючи моц от его к[о]р[о]левской м[и]л[о]с[т]и и Речи Посполитое, собѣ злецоную, ^рясне велможные п[а]нове воеводове и гетман коронный^р за вѣдомостю нас всѣх, а за обранем спосродка их же самых подалисмы за старшого п[а]на Михайла Дорошенка и на потым завше тому тылко старшому, которого его к[о]р[о]левская м[и]л[о]с[т]ь и ^чнаше поверене^ч кролеве полские, п[а]нове наши, през гетманов коронных спосродка их же самих обраного подавати будут, послушни быти мают. А если бы повинности своей досыт не чинил, теды скаргу на него пред его к[о]р[о]левскую м[и]л[о]с[т]ь и гетмана коронного предложити мают, а о иншого з межи себе ж подане покорне просити мают. То ж и по зейстю каждого старшого своего учинити повинни будут. Если бы еднак великое отлеглости войско было от его к[о]р[о]левской м[и]л[о]с[т]и и гетманов коронных, теды могут обрати по смерти межи собою старшого и то для затруднения ряду войскового, до того часу, аж им к[о]р[о]ль его м[и]л[о]ст[ь] през гетмана коронного спосродка их обраного подаст с присягою, яко тот теперишний старший его м[и]л[о]с[т]и п[а]ну гетману при бытности их м[и]л[о]с[т]ей п[а]нов комисаров отдал и иншии, напотым будучии, пред zesланным от гетманов коронных ставши, выконати мают.

^е В польском тексте здесь и далее на месте слова «репщия / репутация» употребляется сокращенный вариант названия «Речь Посполитая», в том числе иногда латинизированный, в данном случае, например, «Rptej» [33. Rps. 341. K. 49v]. Далее в польском тексте идет «zawodem y» [3. C. 283]

^ф В самой ранней польской копии на этом месте сокращение «Rptej» [33. Rps. 341. K. 49v].

^г Так в рукописи. Должно быть «найбарзий».

^г В самой ранней польской копии на этом месте сокращение «Rempub» [33. Rps. 341. K. 49v].

^и В самой ранней польской копии на этом месте сокращение «z Państw Rptej» [33. Rps. 341. K. 49v].

^ж В польском тексте «ostatek krwi swey» [3. C. 284].

^{к-к} В польском тексте вместо этой фразы текст «przy ktorey Rzeczplta ich zostawiła» [3. C. 284].

^л Так в рукописи. Возможно должно быть «одваги».

^м В польском тексте «urzędnikom» [3. C. 284].

^н Юрисдикции. В польском тексте «iurisdikcye» [3. C. 284].

^о Здесь пропущен фрагмент, который в польском тексте звучит так: «za wiadomością i.k. mci miewało» [3. C. 284].

^{р-р} В польском тексте иначе: «i. m. pan wojewoda sędomirski, hetman polny koronny, wielunski, barski, kowelski starosta» [3. C. 284].

^{ч-ч} В польском тексте вместо этих слов «następujący» [3. C. 284].

Которая ест теми словами:

Я, Миколай[†] Дорошенко присягаю п[а]ну Б[о]гу в Тройцы единому на том, иж наяснейшому к[о]р[о]лю полскому Жикгимонтови третему[§] и Реч[и] Пос[политое], Коронѣ Полской на урядѣ тым моим до воли его к[о]р[о]левской м[и]л[о]с[ти] будучи, во всем цалую вѣру и послушенство заховати буду, престерегаючи[‡] росказаня его к[о]р[о]левской м[и]л[о]с[ти] и Реч[и] Посполитое, гамуючи всякую своюволю и непослушенство, а меновите же ани я сам, ани през иншие якие особы цесарови турецкому земли, ани морем, ани полем, опроч з росказаня его к[о]р[о]левской м[и]л[о]с[ти] ходити, ани воевати не маю. Овшем если бы кто хотел з войска мнѣ звѣроного[‡], а я бым о тым вѣдал, теды его к[о]р[о]левской м[и]л[о]с[ти] и гетманови ознайמותи, и сам се против таких заставяти повинен буду, на жадные теж купы, ани охотника, ани выписчика кликати и купити без воли его к[о]р[о]левской м[и]л[о]с[ти][‡] не буду, [‡]и овшем, таких карати ведлуг повинности своей повинен буду[‡], так теж всѣм кондыщьям в найменшим пункте и що в писме на Медвежих Лозах от их м[и]л[о]с[тей] п[а]нов комиссаров ест назначоне зо всѣм товариством моим буду досыт чинити.

А иж его к[о]р[о]левская м[и]л[о]с[ть] для лѣпшого порядку и личбу их вѣдати хотячи (л. 11) и яко наибольшую плату заслужоным в войску учинити и до служб Речи П[осполитое] способнейших мѣти, злецил то, абы список порядный войска всего имено, в котором мѣстѣ его к[о]р[о]левская м[и]л[о]с[ть] мает их перемешкивати, был инвентар учиненый. Теды, абы тым лацней и способней в домах то учинили, до чого латвѣйшие сродки нѣж бы се то на тым мѣстцу стати могло, показали от дня 6 листопада аж до дня 18 грудня в теперишн<ем> року ведле календару нового, то ест в шести неделях зупелных часми выназначоными, абы се всѣ в личбе шести тысячий постановили, списавши порядне в реестра як много в которыхым старостве^х мешкати будет, которые реестра любо его м[и]л[о]с[ти] п[а]ну гетманови, любо п[а]ном комиссаром до тое справы назначоным отданы, а оттоле до скарбу коронного отдане, скарбу^у за се^з от панов старостов екстрактем выймоване, а на потым ождному старосте сукцесии при инвентарех поодаване будут. А тым, которые зостанут выписани, шкодити тое не будет, и карати их подстаростове не мают, же в Войску Запорозким были. Которую личбу 6 тысячий^{аа} войска его к[о]р[о]левской м[и]л[о]с[ти] с повагою на каждую услугу^{аа} приповѣдаем, яко ж служба тая 6 тысячий, которые будут в реестре уписани всѣ огулем и каждый зособна, волности и прав от к[о]р[о]лей их м[и]л[о]с[тей] полских и от к[о]-

[†] Так в рукописи, должно быть «Михаил».

[§] Далее в польском тексте: «у iego następcom» [3. С. 284].

[‡] Далее в польском тексте: «we wszystkim» [3. С. 284].

[‡] Далее в польском тексте: «lubo ktokolwiek inszy uczynic» [3. С. 284].

[‡] Далее в польском тексте: «у Rzeczyptej» [3. С. 284].

^{w-w} Данная фраза пропущена в основном тексте украинской публикации [3. С. 284], с указанием (в примечании) на ее наличие в «Архиве Юго-Западной России» [28. С. 287], однако фрагмент этот также присутствует в самой ранней польской копии: «i owszem takich karać według powinności mojej rowinięć będę» [33. Rps. 341. К. 50]. В копии с рукописи Курницкой библиотеки № 338 его действительно нет [33. Rps. 338. К. 98]. В остальных опубликованных версиях опущенный публикаторами текст также присутствует [28. С. 287; 11. S. 234; 34. S. 185].

^х Так же написано в копии, опубликованной в «Архиве Юго-Западной России». В остальных польских копиях «miesce» [3. С. 285].

^у По смыслу должно быть «из скарбу» (ср. [3. С. 285]).

^z В польском тексте вместо «за се» следует частица «zaś», означающая «же», что более подходит по смыслу [3. С. 285].

^{аа-аа} В польском тексте этот фрагмент изложен несколько иначе: «wojska powagą i.k. mci у Rzeczyptej na każdą usługę Rzeczyptej zachowuiemy у służbę Rzeczyptej imieniem» [3. С. 285].

р[оля] его м[и]л[о]с[ти] шасливе пануючого наданих, так яко пред тым заживали^{bb}. И так же им будет волно уживати пристойного поживеня, як гендлюв, ловеня рыб и звѣря, тым еднак способом, абы в жадных пожитках не чинили старостом прешкоды, езов и входов, до староств здавна належачих, занехали. На которое войско жолду дорочного на с[вя]то С[вято]го Илии, с[вя]та руского, золотых 60 тысячий положоно будет в Киеве, в мѣстѣ его к[о]р[олевской] м[и]л[о]с[ти], отбирати будутъ. А зособна привлащаючи их до служби его к[о]р[олевской] м[и]л[о]с[ти]^{cc} иж бы тым пилней урядов и повинности своей престерегали, старшим юркелты такие назначаемо: старшому над всѣм войском зол[отых] 300, обозному и писарови сто зол[отых], ясаулум двум по пултора ста зол[отых], полковником б по золотых сто, сотником по злот[ых] 50, а суди войсковому зол[отых] сто^{dd}. С той личбы 6 тысячий по тысяче на Запорозжю за росказанем его к[о]р[олевской] м[и]л[о]с[ти] лежати и за вѣдомостю старшого их ведлуг часу и оказии повинни будутъ отдавати вѣдомост о неприятелю и боронити ему преправ и затриманю мѣста^{ee}. Остаток зас войска всего стати за ознайменем гетманов коронных на волости^{ff}, до войска коронного^{gg}, албо где потреба укаже на службу Речи Посполитое, престрегаючи в тягнению вшелякое тяжести людское будут завше прибывати повинни (л. 11 об.). Если бы се теж самому старшому их трафило одыйти на Запороже, теды тут, на волости, на своем мѣстцу мает зоставити чоловѣка розсудного, который бы вшелякого порядку, а особливе людем укривжоным скутечно^{hh} справедливости пилно перестерегал, жебы се от них кривда никому не дѣяла и нѣ мают ся в жадные юрздыщие замковые и духовныеⁱⁱ вдавати. Справедливорост зас кождому вкривжоному од них през атамана и старших их при обещности подстаростих, ^{jj}ани без самых подстаростих^{jj}, ведле описания права посполитого чинена быти мает, а сами межю собою судитися мают. На море Днипром ани жадними панств Речи Посполитое прилеглыми реками ходити не мают, ани пакт с цесарем турецким розривати, ани полем, ани морем жадное войны з суседы Речи Посполитое без воли и росказаня его к[о]р[олевской] м[и]л[о]с[ти]^{kk} вчинати не мают,

^{bb} Далее в польском тексте: «zazywac będą» [3. С. 285].

^{cc} Далее в польском тексте: «у Rzeczyptej» [3. С. 285].

^{dd} В известных польских копиях, как архивной [33. Rps. 341. К. 50v.], так и в опубликованных [28. С. 288; 11. С. 236; 34. С. 186] вопреки мнению украинских издателей суммы жалованья изложены примерно также, как и в публикуемом списке, за исключением того, что старшему предназначалось 600 золотых; также в издаваемом тексте нет упоминания о жалованье для полковых есаулов, которое присутствует в остальных текстах. И только в одной польской архивной копии [33. Rps. 338. К. 99], принятой при последней публикации за основу [3. С. 285, 287] не упомянуто жалованье для войскового судьи, полковников и сотников; хотя жалованье старшему указано как 600 золотых.

^{ee} Согласно польскому тексту казаки должны находиться в Запорожье по приказу гетмана («iako wiele i. m. p. hetman»), а не короля. Сама редакция и смысл всего предложения несколько иные, о чем свидетельствует и то, что публикаторы «Документов» разделили его на два предложения [3. С. 285].

^{ff} В польском тексте «za włością» [3. С. 285], что несколько затушевывает смысл слов.

^{gg} В польском тексте «kwarcianego» [3. С. 285].

^{hh} Далее в польском тексте: «у nie odwłoczney» [3. С. 285].

ⁱⁱ Далее в польском тексте: «ani mieyskie» [3. С. 286].

^{jj} Данный фрагмент, вопреки указаниям украинских публикаторов [3. С. 286] отсутствует в польской копии, опубликованной в «Архиве Юго-Западной России» [28. С. 289], но присутствует в других изданиях текстах, хотя и несколько в иных редакциях: «a im przez samych podstarościów» [11. С. 237], «a im zaś przez samych podstarościów» [34. С. 187], наконец в третьей редакции («a ten zaś przez samych postarościów») фраза обнаруживается в рукописи, взятой публикаторами за основу [33. Rps. 338. К. 100] (в украинской публикации произошла таким образом путаница, когда текст из «Архива Юго-Западной России» был спутан с рукописным); наконец, в самой ранней рукописной копии присутствует четвертый вариант: «a że um (? – К.К.) zaś przez samych podstarościów» [33. Rps. 341. С. 50v]. Несмотря на мелкие различия, польские копии утверждают, что подстаросты могут судить самих атаманов и «старших». Публикуемый текст трактует вопрос иначе, констатируя, что суд лишь не может проходить без участия подстарост.

^{kk} Далее в польском тексте: «у Rzeczyptej» [3. С. 286].

чолны морския зараз при вѣжах попалити, инших под срокгим каренем робити не мают и на Низ чолнов жадных^{ll}, ани лип спущати Днипром и иншими реками не мают, чога старший их под ласкою его к[о]р[олевской] м[и]л[о]с[ти] и срокгим каренем доглядати мает. Так же п[а]нове старостове тому забегати и пострегати будут. В добрах земских шляхетских и духовных тым толко волно будет мешкати, которые п[а]ном своим будут послушни^{mmm}. Так же хочемо мети, абы жаден, который не хоче п[а]ну своему быти послушным далее 12 недель от даты того писма не мешкал в добрах шляхетских и духовных. Так же входы, млыны и иншие добраⁿⁿ, которые собѣ по тые часы всурповали неслушне, заразем без вшелякое одволки старостом, державцом и п[а]ном дедичным пустити мают, на которые бы права жадного не мели, пред п[а]ны комисарми, которых до списания войска назначоно, не показали. А хто бы не хотел п[а]ну своему быти послушным, и затым теж не могл бы в добрах шляхетских дедичных и духовных мешкати, теды пред выстем тых 12 недел волно ему будет дум и роздробок его предати^{oo} и ку пожиткови своему привлаштити^{oo}. А жебы се войско в жадную реч им не належную не вдавали, за волею его к[о]р[олевской] м[и]л[о]с[ти]^{pp} пилно то заховывати мають, абы се примире от них^{qq} з жадными сусѣдскими панствы не постановяло, ани жадных послов от посторонних п[а]нов не приймали, анис през поселства зносити, ани на службу п[а]нов общих ходити не важили, иначий бы мусела их ку репунтацья^{rr} (л. 12)^{ss} не зване свое подданные, але за неприятеле мѣти^{ss}, которые бы собѣ шос особного над иншие в Речи Посполитое члонки привлашили и юж бы не комиссиями, поневаж бы ласки его к[о]р[олевской] м[и]л[о]с[ти] и працы людей великих^{tt} невдячными быт ся показали, але явно и острою суровостю без ношения ся з ними далшого мусели бы быт покарани.^{uu} Также, иж за тым каренем волности их и Реч[и] Посполитое^{uu} при значным впокореню не тылко выступки противные репций^{vv} попелнене отпушцами, але теж и в всѣх пунктах ласку им именем его к[о]р[олевской] м[и]л[о]с[ти]^{vvv} показуемо. Теды то собѣ и Речи Посполитой варуемо, если бы се невдячными тое ласки его к[о]р[олевской] м[и]л[о]с[ти] показали, а не додержали слова и присяги своей, любо во всѣх пунктах, любо в которым колвек з них, яко права и волности им наданые яко Речи Посполитое непослушным помагати не буде^{xx}, так ани тая ласкавост н[а]ша^{yy} и то, що се тепер кволи им

^{ll} Далее в польском тексте «morskich» [3. С. 286].

^{mmm} Далее в польском тексте «у ktorych oni cierpiec zechcą» [3. С. 286].

ⁿⁿ В польских архивных копиях упоминаются еще деревни, езы и грунты, но нет млынов (мельниц). Однако все это: «uchody, iazy, grunty, młynu» содержится в копии из «Архива Юго-Западной России» [3. С. 286].

^{oo-oo} В польском тексте вместо этой фразы идет другой, более подробный текст: «takiemu człowiekowi, któryby panu swemu powinność y poddanstwo zwykłe oddawał, osiewki iednak ich ozime y iare starostowie y panowie spokoynie im zebrac mają pozwolic» [3. С. 286].

^{pp} Далее в польском тексте: «у Rzeczyptej» [3. С. 286].

^{qq} Слова «от них» написаны на полях.

^{rr} В наиболее ранней польской копии сокращение: «Rpta» [33. Rps. 341. К. 51].

^{ss-ss} Речь идет о том, что шляхетская республика не будет называть таких людей своими подданными. В польском тексте этот фрагмент более ясен: «inaczej musiała by Rzeczpta ich nie za wierne swe poddane, ale za nieprzyiacioli miec» [3. С. 286].

^{tt} В публикации «Архива Юго-Западной России» [28. С. 290] «zacnych y wielkich», в остальных польских копиях просто «wielkich» [11. S. 239; 34. S. 188; 33. Rps. 341. К. 51; 33. Rps. 338. S. 101].

^{uu-uu} В польском тексте эта часть предложения более понятна: «Takze, isz za pokazaniem rowolności ich Rzeczyptej» [3. С. 286]. Характерно, однако, что в наиболее ранней копии вместо «pokazaniem» написано «rokaганием» [33. Rps. 341. К. 51], что сблизжает ее с публикуемым документом.

^{vv} В наиболее ранней польской копии сокращение: «Rptej» [33. Rps. 341. К. 51].

^{vvv} Далее в польском тексте: «у Rzeczyptej» [3. С. 286].

^{xx} По смыслу должно быть «не будут»

^{yy} Далее в польском тексте: «у odpuszczenie zbrodni» [3. С. 287].

учинило, жадное ваги мети не буде, и овшем не оглядаючис на тые ку репутацыи^{zz} яко против преступцов воли его к[о]р[олевской] м[и]л[о]с[ти] наступовати будем. А иж тые всѣ пункта и кондыщые Войско Запорозкое почуваючи ся в повинности своей яко вѣрные подданные его к[о]р[олевской] м[и]л[о]с[ти]^{aaa} приняли и оным досыт чинити на потомные часы будут, присягами потвержати повинни, що и на знак того печат войсковую притиснувши, килка старших руками своими подписали^{bbb} у Курукова^{bbb}.^{ccc} Присяга всей черни Войска Запорозкого^{ccc}.^{ddd} Дѣялося в обозѣ на Медвежих Лозах дня 6 листопада року 1625^{ddd}. А над то не тылько старшина и чернь вся поднеслым голосом в тые слова присягу отдали. Мы, атаманы^{eee} и все Войско его к[о]р[олевской] м[и]л[о]с[ти] Запорозкое едностайне и кождый зособна присягаемо п[а]ну Б[о]гу в Тройцы единому на том, иж чинячи воли его к[о]р[олевской] м[и]л[о]с[ти] досыт теперишнего часу вѣрност подданства его к[о]р[олевской] м[и]л[о]с[ти]^{eee} заховати, послушенство всякое старшим н[а]шим отдавати, на море з Днепра не ходити, панств цесара турецкого не наездщати, чолны морские всѣ попалити, примиря с постронными п[а]ны кром вѣдомости его к[о]р[олевской] м[и]л[о]с[ти]^{fff} и нѣчого такового, що з образою его маестату быти мѣло, чинити не маемо, и овшем тому всему, що дня теперишнего з их м[и]л[о]с[т]ями п[а]ны комисарми застановилосе, досыт чинити маемо. А до списаня людей Войска и ревидованя прав на кгрунты спосродку себе его м[и]л[о]с[т] п[а]на Халецкого, его м[и]л[о]с[т] п[а]на подкоморого к[иевского] и его м[и]л[о]с[т] п[а]на жикгвулского и его м[и]л[о]с[т] п[а]на хоружого киевского учинилисмо^{ggg}.

РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1626 г. Д. 9. Л. 10–12.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Рудницкий С. Козацко-польска війна р. 1625, історична розвідка // Записки наукового товариства імени Шевченка. Львів, 1897. Т. 17. Під ред. М.С. Грушевського.
2. Кулиш П.А. Материалы для истории воссоединения Руси. М., 1877. Т. 1. 1578–1630.
3. Документи українського козацтва XVI – першої половини XVII ст.: універсали, листування, угоди, присяги / упор. В. Брехуненко (відповідальний секретар), О. Заяць, Ю. Мищик, С. Потапенко, В. Щербак. Київ, 2016.
4. *Kołodziej R.* «Krotki Dyjarius z Kozaki rosprawy» [13.X–6.XI.1625 r.] // «Trzeba dyscypliny – bez niej nie da się pasji składnie wyrazić...». Studia z dziejów nowożytnych (XVI–XVIII w.) / pod red. M. Foguskiego, A. Perłakowskiego, F. Wolańskiego. Poznań, 2012.
5. Ковалець Т. «Опис короткий, яким способом дійшли до комісії з козаками»: малознане джерело до історії козацького повстання 1625 року // Наукові записки НаУКМА. 2015. Т. 169. Історичні науки.
6. Ковалець Т. Козацькі повстання 1625 та 1630 рр. в Україні за матеріалами діаріуша Анджєя Кості-Збіроховського // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 15. Київ, 2015.
7. Грушевський М.С. Історія України-Руси. Київ, 1995. Т. 7. Козацькі часи – до року 1625.
8. Floria B. Nowe materiały do dziejów powstania kozackiego 1625 roku // Przegląd wschodni. 1998. Т. 5. Z. 1 (17).

^{zz} В наиболее ранней польской копии сокращение: «Rpta» [33. Rps. 341. K. 51v.]

^{aaa} Далее в польском тексте: «у Rzeczypteу» [3. С. 287].

^{bbb-bbb} В польском тексте данный фрагмент помещен в предложение с датировкой соглашения: «u Kirukowa na Niedzwiedzzych Łozach» и т.д. [3. С. 287].

^{ccc-ccc} Данный текст присутствует только в публикуемом списке.

^{ddd-ddd} Данный фрагмент в польском тексте помещен после текста присяги [3. С. 287].

^{eee-eee} Данный фрагмент присяги в польском тексте дан в другой редакции.

^{fff} Далее в польском тексте: «zawiegac» («заключать») [3. С. 287].

^{ggg} В польском тексте упоминаются сначала хорунжий киевский, а потом староста. Далее в них идет упоминание о наличии печатей и подписей, которые в публикуемом списке отсутствуют.

9. *Флоря Б.Н.* Россия и восточнославянские земли Польско-Литовского государства в конце XVI – первой половине XVII в. Политические и культурные связи. М., 2019.
10. *Ковалець Т.Р.* Козацька стратегія у повстанні 1625 р. в Україні // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2013. Вип. 37.
11. Zbiór pamiętników historycznych o dawnej Polsce z rękopisów, tudzież dzieł w różnych językach o Polsce wydanych oraz z listami oryginalnymi królów i znakomitych ludzi w kraju naszym. Lwów, 1833. Т. 6.
12. Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси, изданный Комиссией для разбора древних актов, состоящей при киевском, подольском и волынском генерал-губернаторе. Киев, 1888.
13. *Флоря Б.Н.* Киевская митрополия, Россия и казачкое восстание 1625 года // Славяне и их соседи. М., 1999. Вип. 7. Межконфессиональные связи в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVII веках.
14. Российский государственный архив древних актов. Ф. 52. Оп. 1626 г. Д. 9.
15. *Харлампович К.В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1.
16. *Мицик Ю.А.* Из листування українських письменників-полемістів 1621–1624 років // Записки наукового товариства ім. Т. Шевченка. Львів, 1993. Т. 225. Праці Історико-філософської секції / ред. тому *О. Купчинський*.
17. *Стороженко А.В.* Стефан Баторий и днепровские казаки: исследования, памятники, документы и заметки. Киев, 1904.
18. Памятки. Архів Української Церкви. Київ 2001. Т. 3. Вип. 1. Документи до історії унії на Волині і Київщині кінця XVI – першої половини XVII ст. / упор. М.В. Довбищенко.
19. *Kempa T.* Sprawa zabójstwa wójta kijowskiego Teodora Chodyki przez Kozaków. Przyczynek do wyjaśnienia sytuacji na Kijowszczyźnie w przededniu powstania kozackiego 1625 r. (publikacja źródła) // Między zachodem a wschodem / pod red. J. Dumanowskiego, B. Dybasia, K. Mikulskiego, J. Porazińskiego, S. Roszaka. Toruń, 2003. Т. 2.
20. *Drozdowski M.* Kozaczyzna wbrew hierarchii prawosławnej – 1625 rok // Warszawskie zeszyty ukraiноznawcze. Warszawa, 2004. Т. 17–18. Spotkania polsko-ukraińskie. Studia ucraïnica / pod red. S. Kozaka.
21. *Drozdowski M.* Religia i Kozaczyzna Zaporoska w Rzeczypospolitej w pierwszej połowie XVII wieku. Warszawa, 2008.
22. *Флоря Б.Н.* Запорожское казачество и Крым перед восстанием Хмельницкого // Исследования по истории Украины и Белоруссии. М., 1995. Вип. 1. Отв. ред. М.В. Дмитриев.
23. *Сас П.М.* Політична культура українського суспільства (кінець XVI – перша половина XVII ст.). Київ, 1998.
24. Жерела до історії України-Руси. Видає Археографічна комісія наукового товариства імені Шевченка / Під ред. М. Грушевського. Т. 8. Матеріали до історії української козаччини. Львов, 1908. Т. 1. Документи по рік 1631 / зібрав і видав І. Крипякевич.
25. Kondycye podane od Nalewajka królowi jegomości // Zbiór pamiętników do dziejów polskich / wyd. W. S. de Broel-Plater. Warszawa, 1858. Т. 2.
26. *Антонович М.* Студії з часів Наливайка. Прага, 1941.
27. *Жукович П.* Протестация митрополита Иова Борецкого и других западнорусских иерархов, составленная 28 апреля 1621 года // Статьи по славяноведению. СПб., 1910. Вип. 3 / Под ред. В.И. Ламанского.
28. Архив Юго-Западной России, издаваемый Временною комиссией для разбора древних актов, высочайше учрежденною при киевском военном, подольском и волынском генерал-губернаторе. Киев, 1863. Ч. 3. Акты о козаках (1500–1648 г.). Т. 1.
29. Instrukcja wydawnicza dla zrodęł historycznych od XVI – do połowy XIX w. / pod red. K. Lepszego. Wrocław, 1953.
30. *Леп'яко С.* Козацькі війни кінця XVI ст. в Україні. Чернігів, 1996.
31. *Мелешко В.И.* Могилев в XVI – середине XVII в. Минск, 1988.
32. *Грушевский М.С.* Барское староство, исторические очерки (XV–XVIII в.). Киев, 1894.
33. Biblioteka Polskiej akademii nauk w Kórniku.
34. Zródła do dziejów polskich / wyd. przez M. Malinowskiego, A. Przędzieckiego. Wilno, 1944. Т. 2.